Отъезд Добрыни и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича (5)

Добрынюшка да он Микитиць млад
А пришол-де Добрынюшка к своей матушки:
«Ах, ты матушка моя, Офимья Олёксандровна!
А нащо миня, матушка, ты спородила?
Спородила бы меня, матушка, дак серым камешком,
Отнёсла бы меня да во синё морё —
Я лёжал бы там веки да все превечныя!»
А и стал прошшацьсе с молодой женой:
«Да прости-тко ты меня, Настасья Викулисьня;
А дожидай-ко меня церез двенаццэть лет,
А подожди ишше лето да ты трынадцыто —
Хошь замуж тогда поди, да хоть вдовой сиди:
Не ходи только за Олёшу да за Поповиця,
За просмешника не ходи да ёго бабьёго!»
Но прошло-де ведь времечко двенаццэть лет,
Да тринаццатой год да он прошол ведь тут.
А Добрынюшка Микитиць млад
Да не видели, как стремена ступил.
Уехал Добрыня во чисто полё.
А-й ездил во чисто[м] поли Олёшенька Поповиць млад,
А пропустил таку славушку нехорошую,
Що Добрыню видел — под кустиком убит лёжит.
И прышла ета вестоцька нерадосьня,
И прышла она к Офимьи да Олёксандровны,
К Добрыниной да родной матушки.
А из Киева женихи да вот приехали,
А Владимер стольне-киевский — он ведь сватовщиком.
Розговарили Офимью да Олександровну:
«А тепере Добрыни вот живого нет;
А спусти-ко Настасьюшку — взамуж пойдёт
За того же за Олёшу за Поповиця!»
Она здумала, Настасьюшка Викулисьня:
«Просидела я типеря да вот тринаццать лет;

А тяжоло мне коротать будёт веки долгия».
И приехала калика перехожая,
А к Добрыниной приехала родной матушки:
«Я ведь видел, Добрынина родна матушка,
Я стоял долго с Добрынюшкой Микитицём:
Он живой ведь, да он живёхонёк!»
А говорыт тут Добрынина родная матушка:
«А не ври-тко ты, калика перехожая,
А тепере ведь Добрынюжка уже живого нет!»
Говорыт ей калика перехожая:
«Уж ты дай-ко, Добрынина родная матушка,
Уж ты дай мне-ка, дай звоньцяты гусли —
Я пойду же к Олёшеньки на свадёбку,
Посмотрю у Олёшеньки дак молоду жену.
Если весела сидит — запечалю ей;
А печальняя сидит — я розве́селю!»
А Добрынина ведь матушка не отказывала,
А дала тут калики да звоньцяты гусли.
Говорыт ишше калика да перехожая:
«Уж ты ой еси, Добрынина родная матушка!
Ишше дай ты мне-ка платья цветного,
А не слишком хорошого, а по-средьнему!»
Добрынина тут матушка не отказывала,
Говорыла калики только таково слово:
«Не попасть тибе, калика, тебе на свадёбку,
Не видать у Олёши дак молоду жену:
У ворот ёво стоит да двацэть сторожов —
Не пропустят тибя, калику да перехожую.
А у дверей его стоит десеть прыдверьников —
Не попасть тебе, калика, к ему на свадебку!»
А взяла-де калика да скрипку под полу
Да в правое взяла ее под пазуху.
Ну, прыходит калика да перехожая,
Где стояло у ворот дак двацать сторожов,
Говорыла калика таково слово:
«Уж вы здрастуйте, молоццы, да добры молоццы!
Я принёс вам тепере золотых я вам
А на винную, на винную на цяроц[ь]ку —
Пропустите меня на свадёбку!»

Да прыходит калика где ко дверецькам,
Где стояло у дверей да десеть сторожов,
Говорыт-де калика перехожая:
«Уж вы здрастуйте, молоццы, да добры молоццы!
Пропустите меня, скомороха, на свадёбку:
Вам досталась да золотая вам —
Да на винную вам да всё на цяроцьку!»
А заходит калика да во светлу грыню,
Она крест-от кладёт да по-писаному,
Да молицце калика да по-учоному,
А Владимеру князю он поклоняиццэ:
«Уж ты батюшко Владимер стольне-киевской!
А позволь мне, скомороху, поиграть на скрыпоцьку
И розве́селить у вас пир бы навесели!»
Говорыт-де Владимер стольне-киевьской:
«А-й зайграй-ко, с[ко]морох да утешливой,
Зайграй-ко, скоморох, ты во скрыпоцьку —
Ты утешь-ко нас тепере на пиру же всех!»
А стал скоро ли дак розбиратисе:
А натегает ведь он струноцьку от Киева,
А от Киева он натягает да до Церниговa;
А другую натягает ету струночку,
Да другую послал как в Ерусалим-град.
Зацял-де играть да он на скрыпоцьку
Да стал-де по струноцькам похаживать.
А говорыт только Праксия-королевисьня:
«Ах, батюшко Владимер стольне-киевской!
А не видали вы игры такой тринаццать лет:
Когда был у нас Добрынюшка Микитиць млад,
От та же была игра на звоньцятых играх!..»
А игру он сыграл да переставать-де стал;
А тепере ведь Добрынюшка, — играл как он, —
На остадоцьках калика да выговариват:
«Ты женилса здорово, да тебе не с кем спать!»
Догадалса стар казак Илья Муромец:
«Ишше што ета скрыпоцька выговар[ив]ат:
„А женилса здорово, да тебе не с кем спать!” —
Видно, сам тут Добрынюшка Микитиць млад!..»
Говорыл тут Владимер стольне-киевской,

Говорыл-де Владимер таково слово:
«Молодая ты Настасьюшка Викулисьня!
Ты налей-ко ты цяру зелена вина,
И не малу, не велику — да полтора ведра,
Да подай-ко калики да перехожое —
А далеко калика да переход дёржит!»
А принимает калика цяру единой рукой,
Выпивает ведь он цяру да к едину духу;
Да в эту во цяроцьку серебрену
А кладёт-де калика свой злачон перстень:
«Не узнала ты, Настасьюшка Векулисьня,
А пошла ты, Настасьюшка, за другого взамуж.
Я живёхонёк да приехал я!»
А тут выскоцил Олёша из застолья вон
Да хотел бы над каликой да росходитисе.
Как Добрынюшка схватил его за русы кудри,
А стал его по грынёнки поваживать.
А говорыт тут калика да перехожая:
«Я за ето тебя да я тебя прошшу,
Што ты взял мою да молоду жену.
А за другое дело да тибя нельзя простить:
Уж ты ездил, Олёша, во чистом поли,
А увидел меня, видно, да видно, мёртвого,
А привёз ты славушку вот нехорошую
Ко моей ты родимой да родной матушки —
Оскорбил ты матушку мою несчасную!»
А скоцил тут стар казак да Илья Муромец:
«А оставьте вы Олёшеньку Поповиця!»
Да повёл-де из грыдьни да княженецкое,
Да привёл-де Добрынюшка молоду жену —
А ко т[ой] привёл-де он к матушки родимое:
«Ах ты матушка моя да ты родимая!
А-й я сходил теперь нашол свою молод[у] жену!»

(Зап. А. Д. Григорьевым 14 июля 1901 г.: д. Ла́мпожня Дорогорской вол. — от Табу́ева Егора Семеновича, 75 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.